

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.13>

Чекушкина Елена Петровна

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС И ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ ПРОЗЫ

В статье рассматривается жанровое своеобразие современной чувашской прозы, поскольку в начале XXI в. в национальной литературе возрос интерес к новым видам жанров. Выявлено, что на появление новых видов жанров повлияло осмысление прозаиками исторических процессов, происходивших в XX в. в России. Исследуя многообразие жанров в контексте литературы тюркских народов Поволжья, автор полагает, что в начале XXI столетия в жанрах чувашской прозы наблюдается тяготение к документальности, историчности, стремление к эпичности. Кроме того, появляется новая тенденция - мифологическое мировосприятие отдельного писателя способствует возникновению жанра романа-этнофэнтези.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 2. С. 266-269. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. Идельбаев М. Х. Башкирская литература XVIII в. и творчество Салавата Юлаева. Уфа: БГУ, 2003. 158 с.
7. История башкирского народа: в 7-ми т. / гл. ред. М. М. Кулшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2011. Т. III. 476 с.
8. Кривошлыкова М. В. Традиционализм как центральная тема русских представлений о башкирской культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44). Ч. 2. С. 105-108.
9. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне / сост., авт. введения, комментариев и глоссария акад. Г. Б. Хусаинова. Уфа: УНЦ РАН, 1993. 250 с.
10. Сизоненко З. Л. Межнациональная семья как объект этносоциального исследования // Социальная политика и социология. 2010. № 8 (62). С. 170-177.
11. Хусаинов Г. Б. Гуманитарий. Литература. Духовная культура. Фольклор. История. Археография. Уфа: Гилем, 2008. 634 с.
12. Хусаинов С. М. Истоки идей федерализма в России и башкирская народная публицистика XVIII в. (на примере письменного наследия Батырши Алиева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (49). Ч. 2. С. 191-196.

**ISSUES OF THE RUSSIAN-BASHKIR RELATIONS
IN BATYRSHA ALIEV'S LETTER TO EMPRESS ELIZAVETA PETROVNA**

Huzhahmetov Ainur Oskarovich, Ph. D. in Philology
Usmanov Rinat Shamilevich, Ph. D. in Philology
Bashkir State University, Ufa
khuzha@mail.ru; rinatusmanov@mail.ru

The article is devoted to analysing Batyrsha Aliev's letter to Empress Elizaveta Petrovna. The paper tackles the problems that occurred under the confrontation of the two worldviews at different levels. By the example of Batyrsha's letter the authors analyse interrelations between the nations, which over the century evolved from relatively stable economic cooperation to the state of sharp conflict. The originality of the study is in the fact that it discovers the general vector of the Russian and Bashkir cultures development from stability to instability and vice-versa from the viewpoint of literary and culturological paradigms.

Key words and phrases: Russian-Bashkir relations; Batyrsha Aliev; epistolary genre; linguo-stylistic analysis; image; culture; traditions; values; attractor.

УДК 82.09

Дата поступления рукописи: 21.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-12-2.13>

В статье рассматривается жанровое своеобразие современной чувашской прозы, поскольку в начале XXI в. в национальной литературе возрос интерес к новым видам жанров. Выявлено, что на появление новых видов жанров повлияло осмысление прозаиками исторических процессов, происходивших в XX в. в России. Исследуя многообразие жанров в контексте литературы тюркских народов Поволжья, автор полагает, что в начале XXI столетия в жанрах чувашской прозы наблюдается тяготение к документальности, историчности, стремление к эпичности. Кроме того, появляется новая тенденция – мифологическое мировосприятие отдельного писателя способствует возникновению жанра романа-этнофентези.

Ключевые слова и фразы: чувашская проза; исторические события; жанры; рассказ; документальная повесть; роман-этнофентези; Римма Прокопьева; Ева Лисина; Анатолий Хмыт; Сергей Павлов; Владимир Степанов.

Чекушкина Елена Петровна, к. филол. н.

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
enarpi@mail.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС И ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ ПРОЗЫ**

*Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-14-21024
(The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-14-21024).*

Современные тюркоязычные народы России – чувашаи, татары, башкиры – в основном населяют территорию Урало-Поволжского региона. В этом регионе также проживают группы финно-угорских народов (марийцы, удмурты, мордва). Хотя тюркские и финно-угорские народы различаются по происхождению, языку, религии, культурным традициям, однако одинаковые природные условия, похожие исторические процессы «способствовали установлению тесных контактов между ними и определили сходные черты их материальной и духовной культур» [1, с. 235]. Именно поэтому в литературах вышеназванных народов очень многое перекликается: мотивы и сюжетные коллизии, художественные тенденции и жанрово-стилевые особенности, литературные направления и многое другое. В своих предыдущих исследованиях автор статьи неоднократно изучала вопросы современного межлитературного диалога у тюркских народов Поволжья [15-17]. Настоящая статья является продолжением этой же серии.

Надо отметить, что в конце XX – начале XXI в. в чувашскую литературу вливается новое поколение писателей (С. Павлов, Г. Максимов, В. Степанов, А. Хмыт, М. Карягина, Е. Нарби, Р. Прокопьева, Н. Ильина и др.), которое в свою очередь обогащает ее разными жанрами и стилями. На наш взгляд, именно с этим фактом связано и то, что в современном чувашском литературоведении немало внимания уделено изучению жанрового

своеобразия чувашской литературы. Так, в исследованиях Е. Р. Якимовой (Афанасьевой) подробно рассматривается жанр исторической трагедии в чувашской драматургии [2; 18]. И. В. Софронова анализирует художественные особенности современной малой прозы [12]. Также достаточно глубокому анализу подвергаются философский, публицистический и приключенческий жанры прозы в исследованиях А. Ф. Мышкиной, В. В. Никифоровой и М. П. Савировой [8; 9; 11].

В начале XXI в. в чувашской прозе наблюдается резкое повышение интереса к историческому прошлому народа, а в связи с этим активизируются документальный и исторический жанры. Особенно это выделяется в творчестве таких писателей, как Н. Максимов, А. Хмыт, Р. Прокопьева, Е. Лисина. Так, Римма Прокопьева пишет *документальную повесть* «Когда покраснело солнце» («Сар хёвел хёрелсен»). Данный вид жанра для современной чувашской прозы довольно новый, однако нужно отметить, что чувашская литература еще на заре ее становления часто прибегала к документальности. Это были очерковые записи Никиты Бичурина, зарисовки Ермия Рожанского, этнографические очерки Спиридона Михайлова-Яндуша и т.д. В документальной повести Р. Прокопьевой описывается жизнь художника-портретиста Павла Корина и его жены Прасковьи Корониной (в девичестве – Петровой), уроженки чувашской деревни. В канву повести удачно вплетены исторические события Российского государства, происходившие в начале XX века. Создавая образы известных в то время личностей – княгини Елизаветы Федоровны Романовой, советского писателя Максима Горького и его сына, автор размышляет над тем, как в судьбах людей все события взаимно переплетены. Чувашскую сиротку Прасковью, оставшуюся без родителей на второй неделе от роду, берут в свою семью ее родственники. Таким образом, она вырастает в приемной семье в деревне Ярмулай Белебеевского уезда Уфимской губернии. Судьбе было угодно, чтобы девушка с целью получения дальнейшего образования из чувашской деревни попала в Москву, потом уже там она знакомится с художником П. Д. Кориным, а впоследствии становится его женой. Видно, что автор, создавая данное произведение, тщательно изучал архивные документы. Это и письма Павла Дмитриевича к супруге, написанные из Италии, и биографические моменты Великой княжны Елизаветы Федоровны и т.д. Но для описания романтических моментов между молодыми людьми автор прибегает и к лирическому стилю.

Произведение «Когда покраснело солнце» дает возможность под другим углом взглянуть на исторические события начала XX века в России, также в нем раскрывается и сильная личность чувашской женщины. Прасковья Корина, волею судьбы оказавшись вдали от родины, отрезанная от сородичей, все же не забывает о своих корнях, свой язык, и, даже будучи в преклонном возрасте, молитву «Отче наш», как и в детстве, читает на родном чувашском языке. Нельзя не согласиться с исследователем удмуртской литературы Т. И. Зайцевой, которая отмечает, что для того, чтобы раскрыть основные черты национальных героев, создаются синтетические жанровые формы, где «сведены воедино архивные материалы, воспоминания, встречи, автобиографии, письма, элементы дневника, протоколы допросов, газетные вырезки...» [4, с. 141]. В повести «Когда покраснело солнце» письма и воспоминания тоже привлекаются для раскрытия отношений между героями, и отчасти в связи с использованием подлинной переписки между супругами повесть обретает форму документальности.

Хотя в плане жанра произведение заявлено как документальная повесть, однако, как мы уже отметили выше, ему не чужда и некая лиричность. Так называемых лирических отступлений в повести немало, и в них заключена народная мудрость. Например, олицетворение образа солнца в повести выглядит следующим образом: «Тёнче намáсне курнипе сар хёвел те хёрелет» тенине пёрре мар илтнэ вáл хáй ўснэ чáваш ялэнче. Чáнах та, кун қаса мён кáна курмасть-ши сар хёвел? Тен, сáвáнна яланах тенё пек хёрелсе анать. Сáпах та тепёр кунне ним пулман пек сўл тўпене сёкленет, кашни вётёр-шакáра, пурне те пёр тан юратса ачашлать» [10, с. 11]. / «Она (Прасковья. – Е. Ч.) в своей чувашской деревне не раз слышала, как говорят, что даже солнце краснеет от увиденных мирских грехов. И действительно, на что только не насмотрится солнышко за день. Видимо, поэтому почти всегда садится раскрасневшись. Однако на следующий день вновь поднимается ввысь, одаривая каждого своим теплом и светом» (здесь и далее перевод с чувашского автора статьи. – Е. Ч.). Надо отметить, что образ красного заката, символизирующий перемену жизни простого народа, в чувашской литературе встречается довольно часто.

Элементы документальности имеются и в прозе Евы Лисиной «Младший брат Садри, или Я не хочу, чтобы Фатима плакала» («Садри шáллáм, е эпё Фатимана йёртесшён мар»). «Ку шухáшласа кáларнá хайлав мар. Эпё сáк калава пурнáсра пулса иртнине тёпе хурса сýрнá» [7, с. 3]. / «Это не выдуманное произведение. Рассказ написан на основе реальных событий», – сообщает нам автор в начале произведения. Сама автор определяет жанр произведения как рассказ, однако по динамичности происходящих в нем событий оно скорее напоминает повесть. В рассказе описаны реальные исторические события, происходившие в начале XX века, затем в послевоенные 1940-е годы, а также события начала XXI века. Автор, заглядывая в относительно недалекое историческое прошлое, показывает непростые взаимоотношения людей из чувашской и татарской деревень, втянутых в конфликтную ситуацию из-за деяний конокрада – татарина Садри. «Зло не искоренить злом. Только добро может победить зло», – так кратко можно обозначить идею данного произведения. Автор размышляет над вечным вопросом – «почему так случилось?». Е. Лисина в первых строках рассказа описывает события, происходившие в начале XX века. Люди тогда были намного совестливее. Поймав татарина Садри на краже лошадей, жители деревни сильно избивают его – таковы были обычаи расправы с ворами. Однако они ни в коем случае не хотят лишить его жизни, так как это заклеимило бы всю деревню позором убийцы. Автор показывает, как люди мучаются неизвестностью, не зная, остался ли в живых побитый ими конокрад Садри, и как они радуются известию, что татарин все же выжил и что его любимая жена Фатима не осталась вдовой. И потом многие годы дружили чувашские и татарские семьи, помогая друг другу в самые тяжелые послевоенные времена. В произведении также описывается, как в трагические годы репрессий были стерты все моральные принципы, и долгое время дружившие народы были натравлены друг на друга, доносили на односельчанина, предавали соседа, родню... «Интерес башкирских, татарских, чувашских, марийских, мордовских, удмуртских

прозаиков к исторической теме продиктован потребностью осмыслить как путь, пройденный народом, его исторические судьбы, так и уроки относительно недавнего прошлого», – констатирует исследователь татарской литературы В. Р. Аминев [1, с. 237]. В начале XXI века были рассекречены архивные документы трагических лет репрессий, а также времен раскулачивания крестьян, и Е. Лисина, изучая их, пытается понять, почему это произошло с нами. Хотя прямого ответа здесь нет, но читателю понятна концепция автора – пренебрежение моральными законами, данными человечеству Всевышним, неизменно приводит к печальным событиям.

Исторический фон 30-х годов XX века отображен и в современной татарской прозе. Например, с творчеством Е. Лисиной удачно переключается роман Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» [19]. Однако следует оговориться, что роман не является историческим или документальным, как может показаться неискушенному читателю, а скорее его можно отнести к приключенческому жанру. История романа татарской писательницы разворачивается на фоне трагических событий раскулачивания крестьян. Перед глазами героини Зулейхи, которая 15 лет была замужем и за все это время дальше своей деревни не выезжала, рушится вся ее привычная прежняя жизнь: убивают любимого мужа, отбирают скот, добротный дом, а потом с конвоем выслаивают из родной деревни в ссылку. Таким образом, исторический ракурс в романе писательнице нужен не для документальности, а только для того, чтобы показать, как характер Зулейхи закаляется в ходе трагических событий в России в XX веке.

Не секрет, что XX столетие особо отличилось трагическими событиями не только для отдельно взятого человека, но и для целой страны, и даже мира. К таким событиям относится и война в Афганистане. Анатолий Хмыт – один из чувашских писателей, который в своем творчестве выбрал тему афганской войны. Эта тема составляет основу романа-диалоги «С того света» («Леш тёнчерен» (2011)), а также многих рассказов и пьес. Жанр рассказа «Афганская рана» («Афганистан суранё») автором определен как документальный. На подлинность происходящих в рассказе событий указывает эпиграф произведения: «Леха Лукашонку тусам тата унан чътәмләхне хисеплесе» [14, с. 3]. / «С уважением к своему другу Лехе Лукашонку и его стойкости». И хотя другие элементы документальности – письма, воспоминания, архивные документы и т.д. – в произведении не использованы, читателю понятно, что автор, сам побывавший на службе в Афганистане, описывает действительные события, имевшие место в жизни писателя. Этот рассказ – о стойкости солдата, о любви к родине, матери, ко всему тому, что помогло ему выжить и вернуться домой.

В чувашской прозе начала XXI в. также находит своего читателя и крупный эпический жанр, один за другим появляются романы Сергея Павлова: «Распутица» («Сёлкёш» (2004)), «Измол» («Тан таппи» (2005)), «Пучина» («Авәр» (2007)), «То не осока, не камыш» («Сарă хăмăш, сар хăяк» (2010)), «Туман» («Тётре» (2012)), «Обочина» («Суләнчăк» (2015)). Хотя эти романы и являются отдельными, законченными произведениями, однако они между собой связаны одними и теми же героями, развитием сюжетных линий, изображением конкретной исторической эпохи – конца XX века. «Стремление башкирских, татарских, марийских прозаиков постичь национальный характер, выявить константы национального бытия приводит к активизации жанра исторического романа», – пишет В. Р. Аминев [1, с. 237]. Чувашский исследователь В. В. Никифорова отмечает, что еще в конце XX в. «возрос интерес к историческому прошлому, стали возвращаться незаслуженно забытые имена. Во всех областях приступили к переосмыслению и переоценке пройденного пути» [6, с. 330]. На наш взгляд, к жанру произведений С. Павлова не совсем подходит термин «исторический», но тем не менее в них отражена жизнь чувашского народа на изломе времени, начиная с 70-х годов прошлого века вплоть до начала XXI века. Анализируя творчество писателя, чувашский литературовед Г. И. Федоров отмечает, что «его художественно-публицистический опыт направлен на создание новой прозы, прозы публицистическо-политического и социально-психологического индекса, прозы, исследующей художественными средствами историческую суть конца XX века и “нулевых” годов века нынешнего» [13, с. 72]. На наш взгляд, именно обращение к определенной эпохе истории России – к перестройке и распаду Советского Союза – и делает произведения С. Павлова близкими к историческому жанру. Также писателю не чужда «притчеобразность мышления», а «его прозу можно квалифицировать как феномен толкующий, объясняющий и даже в чем-то дидактичный» [Там же, с. 70].

Современная чувашская проза, будучи многожанровой, не только тяготеет к документальности и стремится показать события в определенном историческом ракурсе, но и желает заглянуть в вымышленные миры. Для этого в ней используются и мифологизм, и мистицизм, и фэнтези. Так, прозаик Владимир Степанов, обращаясь к чувашскому мифологизму, написал роман-этнофэнтези «Сабля Тенгри» («Тенкри хёсё»), где описывает события спасения нашей Земли от злых духов. Произведение богато мифологическими персонажами, которые взяты не только из чувашской мифологии, но и из культуры более древних народов – древнетюркской, древнегреческой, иранской, индийской и т.д. Как констатирует В. Р. Аминев, «непрерывность национальной традиции проявляется в обращенности художественного слова к глубинам историко-культурной памяти, актуализации мифопоэтических структур» [1, с. 242]. В. Степанов в романе размышляет над тем, что в жизни людей все события – и прошедшее, и настоящее, и будущее – взаимосвязаны. И поэтому в войне за будущее Земли сражаются богатырь иранского эпоса Рустам рядом с чувашским исполином Тайэр, тут же индийский Кетцалькоатль, древнетюркский Алп-батыр, древнеегипетская богиня войны Исида и т.д. Все более-менее значимые земные климатические катастрофы автор объясняет вторжением на нашу планету потустороннего зла. Например, падение Тунгусского метеорита на Землю – это не что иное, как последствие многолетней космической войны добра и зла. По замыслу писателя, наш мир многогранен и состоит из многих параллельных миров, например, есть не только Мать-Земля, но и Бабушка-Земля. В этих параллельных мирах одни события влекут за собою цепь других событий, и поэтому на земле даже смерть людей не случайна – исчезнув отсюда, души умерших возникают в другом, параллельном мире. Так, в романе вполне объяснима смерть молодых людей Руслана и Евы, которые, погибнув в авткатастрофе на Матери-Земле, появляются в другом мире, где их присутствие наиболее важно для поддержания мирного баланса. Противопоставляя

параллельные миры, добро и зло, писатель размышляет о бесконечности бытия, о том, что в этом мире ничего не кончается, все только перерождается и начинается заново. И, несомненно, здесь речь идет не только о телесном перерождении, а скорее автор питает надежду на духовное перерождение своего народа.

Обращение писателей к мифу наблюдается и в современной татарской литературе. Например, роман «Лесные духи» («Албастылар») Галимджана Гильманова привлекает «внимание исследователей своей новизной отражения реальной действительности, обращением к мифопоэтическому сознанию читателя» [5, с. 13]. Оказывается, человеку ничего не стоит переродиться в лесного духа и таким образом потерять человеческий облик и главное человеческое качество – дух, которое отличает его от животных, – такова главная идея романа «Лесные духи». Однако автор подчеркивает, что обратного перерождения в человека может и не быть, а если и будет, то это процесс трудный, так как возвращение человека к духовности, к своей сущности может быть только через справедливые поступки, которые сохраняют человека как нечто целостное.

Итак, современная чувашская проза, являясь многожанровой, стремится проанализировать прошедшие, сегодняшние или близкие сегодняшнему дню события в историческом ракурсе. В связи с этим в литературе доминирует документальность, историчность. «Обращаясь к корневым истокам своих этносов, писатели стремятся вызвать в сердцах соплеменников надежду на национальное и духовное возрождение, пробудить их национальное сознание», – отмечает В. И. Демин [3, с. 84]. Использование писателями мифологизма рождает совершенно новый жанр – роман-этнофэнтези, в котором также переосмысливается духовное перерождение народа.

Список источников

1. **Аминова В. Р.** Современные национальные литературы республик Поволжья как межтекстовое образование // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 155. № 2. С. 235-244.
2. **Афанасьева Е. Р.** Типология жанров чувашской драматургии 1970-1990-х годов: дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2000. 145 с.
3. **Демин В. И.** Современная мордовская литература: особенности развития и функционирования // Национальные литературы республик Поволжья (1980-2010 гг.). Барнаул: Си-пресс, 2012. С. 80-108.
4. **Зайцева Т. И.** Современная удмуртская проза: особенности развития и функционирования // Национальные литературы республик Поволжья (1980-2010 гг.). Барнаул: Си-пресс, 2012. С. 133-152.
5. **Ибрагимов Б. Х.** Характерные особенности современной татарской интеллектуальной прозы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8 (62). Ч. 2. С. 13-15.
6. **История чувашской литературы XX века:** коллективная монография: в 2-х ч. / под ред. А. Ф. Мышкиной. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2017. Ч. 2. 1956-2000 гг. 432 с.
7. **Лисина Е.** Садри шәлләм, е эпё Фатимана йёртешён мар // Таван Атл. 2016. № 10. С. 3-28.
8. **Мышкина А. Ф.** Чувашская художественно-философская и художественно-публицистическая проза второй половины XX века: монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 275 с.
9. **Никифорова В. В.** Интеллектуальная проза в чувашской литературе: поэтика творчества Г. Федорова // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 124-139.
10. **Прокопьева Р.** Сар хёвел хёрелсен. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 2018. 64 с.
11. **Савирова М. П.** Художественное своеобразие чувашской приключенческой прозы: дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2005. 174 с.
12. **Софронова И. В.** Художественные особенности современной чувашской малой прозы (на примере творчества С. Азамат) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (82). Ч. 2. С. 280-284.
13. **Федоров Г. И.** Образная семантика чувашской романистики: по произведениям Сергея Павлова. Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2017. 80 с.
14. **Хмыт А.** Афганистан суранё // Таван Атл. 2018. № 5. С. 3-23.
15. **Чекушкина Е. П.** Общeturкские художественные традиции в чувашской словесности: дисс. ... к. филол. н. Чебоксары, 2004. 185 с.
16. **Чекушкина Е. П.** Особенности противопоставления образов и понятий в чувашской и татарской прозе конца XX – начала XXI в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75). Ч. 1. С. 70-72.
17. **Чекушкина Е. П.** Своеобразие чувашской прозы конца XX – начала XXI в. в контексте татарской литературы // Восток – Запад: литература и художественная культура: сборник материалов междунар. науч.-практ. конф. Казань: Отечество, 2017. С. 260-263.
18. **Якимова (Афанасьева) Е. Р.** Жанр исторической трагедии в драматургии Поволжья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60). Ч. 1. С. 62-64.
19. **Яхина Г.** Зулейха открывает глаза [Электронный ресурс]. URL: <http://online-knigi.com/page/251924> (дата обращения: 10.10.2018).

HISTORICAL PERSPECTIVE AND GENRE DIVERSITY OF THE MODERN CHUVASH PROSE

Chekushkina Elena Petrovna, Ph. D. in Philology
I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary
enarpi@mail.ru

The article deals with the genre originality of the modern Chuvash prose, since at the beginning of the XXI century the interest in new types of genres has increased in the national literature. It is revealed that the formation of new types of genres was influenced by prose writers' understanding of the historical processes that took place in Russia in the XX century. Studying the diversity of genres in the context of the literature of the Turkic peoples from the Volga region, the author believes that at the beginning of the XXI century in the Chuvash prose genres, there is a tendency to documentation, historicity, and the desire for epicism. In addition, a new trend is emerging – the mythological world perception of an individual writer contributes to the appearance of the 'novel – ethnic fantasy' genre.

Key words and phrases: Chuvash prose; historical events; genres; story; documentary narrative; novel – ethnic fantasy; Rimma Prokop'eva; Eva Lisina; Anatolii Khmyt; Sergey Pavlov; Vladimir Stepanov.